

**Ю. В. Бромлей, В. В. Пименов, З. П. Соколова,
Н. В. Шлыгина**

**ФИННО-УГОРСКИЕ ЭТНОСЫ СССР:
СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ**

Проблемы финно-угроведения всегда привлекали внимание русских ученых разных отраслей наук. Основу исследований заложили работы А. А. Шахматова¹, Д. К. Зеленина², Д. А. Золотарева³.

Позднее энтогенезом и этнической историей народов финно-угорской языковой группы занялись С. П. Толстов, В. Н. Чернецов, Н. Н. Чебоксаров, Х. А. и А. Х. Моора, П. А. Аристэ и другие крупные ученые⁴. И в настоящее время советские этнографы продолжают работать в этом направлении⁵.

При этнографических исследованиях финно-угров учитываются два отправных момента: во-первых, их некогда существовавшая языковая общность, свидетельствующая о древнем генетическом родстве, во-вторых, то, что эта общность очень давно распалась.

Говоря о языковой общности, следует иметь в виду, что в ходе исторического процесса финно-угорские языки столь сильно разошлись между собой, что и принадлежащие к одной языковой ветви народы не могут понимать друг друга без переводчика, как, например, ханты и венгры. В ряде случаев даже один народ имеет (или имел) в своем языке весьма существенные диалектные различия или же говорит на двух языках. Так, известно, что в XVI в. у эстонцев диалектные различия привели первоначально к формированию двух литературных языков — северо-эстонского и южно-эстонского, которые лишь в XIX в. сменились общеэстонским литературным языком⁶. Двумя литературными языками и в наши дни пользуются как мордва (мокша-мордовский и эрзя-мордовский языки), так и марийцы (лугово-марийский и горно-марийский языки)⁷.

¹ Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910.

² Зеленин Д. К. Дореволюционный быт мордвы. — Сов. этнография, 1936, № 1; *его же*. О старом быте карел Медвежьегорского района Карело-Финской ССР. — Сб. Сов. этнография, 1941, № 5.

³ Золотарев Д. А. Этнический состав населения Северо-Западной области и Карельской АССР. Л., 1927.

⁴ См., например: Толстов С. П. К проблеме аккультурации. — Этнография, 1930, № 1—2; Чебоксаров Н. Н. К вопросу о происхождении народов угро-финской языковой группы. — Сов. этнография, 1952, № 1; Моора Х. А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. — В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин: Эстонское гос. изд-во, 1956; Моора А. Х. Об историко-этнографических областях Эстонии. — Там же; Аристэ П. А. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. — Там же; Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. — В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР, № 58 М., 1957.

⁵ Современных работ весьма много, отметим из них лишь некоторые: Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. М.: Наука, 1973; Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М.: Наука, 1982; Карелы Карельской АССР. Петрозаводск: Карелия, 1983; Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985; Пименов В. В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977; Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. М.: Наука, 1983; см. также: Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1985.

⁶ См.: Эстонцы. — В кн.: Народы Европейской части СССР, т. II (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М.: Наука, 1964, с. 212; Советская Эстония. Таллин, 1979, с. 240 и сл.

⁷ Феоктистов А. П. Мордовские языки. — В кн.: Языки народов СССР, т. III — Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука, 1966; с. 172 и сл.; Коведяева Е. И. Марийские языки. — Там же, с. 221 и сл.

В традиционной культуре различных финно-угорских народов, в том виде, в каком она сформировалась ко второй половине прошлого века, когда стали широко развешиваться этнографические исследования, уже невозможно было обнаружить каких-либо общих для всех народов этой языковой группы этнокультурных явлений или элементов. Тем не менее самый факт существования в древности определенной языковой общности этих народов не может не учитываться в первую очередь потому, что одна из важнейших задач советской этнографической науки — изучение этногенеза и этнической истории народов нашей Родины. Эти задачи, как хорошо известно, могут решаться лишь комплексно, объединенными усилиями археологов, антропологов, лингвистов, фольклористов и этнографов. При изучении проблем становления и развития финно-угорских народов этнографы, как и археологи, учитывают языковое родство народов и опираются на достижения современного языкознания, внесшего за последние десятилетия немало нового в финно-угроведение — как в историю финно-угорских языков, так и в датировку ее важнейших «событий»⁸.

Нет сомнения и в том, что у некоторых народов этой языковой семьи и в позднейших слоях культуры, можно обнаружить элементы очень древнего происхождения, восходящие к ранним этапам их этнической истории. Общность таких элементов обнаруживается в первую очередь у народов, живущих в пределах одного региона и связанных относительно близким языковым родством, в частности у народов волжско-финской языковой ветви или у обских угров. Не безрезультатными оказываются и попытки этнографов вскрыть в культуре венгров элементы, восходящие ко времени, предшествующему освоению ими современной этнической территории⁹.

Выяснение того, когда и какими факторами обусловлено наличие аналогов в традиционных формах культур финно-угорских народов, обусловлено ли их происхождение древней общностью народов или эти явления возникли конвергентно в сходных экологических условиях и на аналогичной ступени социально-экономического развития, — одна из задач этнографии. Она может быть решена только путем региональных исследований при сравнительном изучении всех народов в регионах расселения того или иного финно-угорского народа. Такие исследования позволяют не только воссоздавать историю развития каждого народа финно-угорской семьи языков, но и делать теоретические обобщения относительно форм протекания этнокультурных процессов на разных исторических этапах. При этом, как показывает накопленный опыт, чем более поздний этап развития этнической культуры народа берется для рассмотрения, тем более необходим региональный подход к ее анализу, так как на этой культуре все сильнее сказываются принадлежность к определенному хозяйственно-культурному типу, временные напластования, специфика этнокультурных контактов с соседями, принадлежность к той или иной историко-культурной области.

В Советском Союзе народы, говорящие на финно-угорских языках, расселены в основном в четырех регионах: эстонцы и ливы — в Прибалтийском, куда можно отнести и территорию расселения води и ижоры, хотя этот ареал в этнокультурном отношении имеет переходный характер. Саамы (лопары), карелы, вепсы, коми (зыряне) и коми-пермяки живут на европейском Севере (или в Ладожско-Печорском регионе); марийцы, мордва и удмурты — в Урало-Поволжском, а ханты и манси — в Западно-Сибирском.

При этом следует принять во внимание, что, с одной стороны, значительная часть этнической территории финно-язычных народов, живу-

⁸ Например, *Laanest A. Sissejuhatus läänemeresoome keeltesse*. Tallinn, 1975; *Хайду П. Уральские языки и народы*. М.: Прогресс, 1985; см. также библиографию: Советское финно-угроведение, 1975—1980. М., 1980; *Bibliografia 1971—1974, Studia Fennica*, В. 21. Helsinki, 1978 и библиографию ЮНЕСКО: *Bibliographie linguistique, Utrecht*, 1949.

⁹ *Соколова З. П. Финно-угроведение в Венгерской Народной Республике*. — СЭ, 1974, № 4, с. 127—128.

щих в Европейской части СССР, расположена в зоне смешанных лесов, что обуславливало в прошлом принадлежность почти всех коми, поволжских и прибалтийских финнов к одному хозяйственно-культурному типу земледельцев лесной полосы. Это само по себе ведет к общности у них, как и у других народов этой зоны, многих черт культуры, вне зависимости от их этнической принадлежности. С другой стороны, в культуре саамов, обских угров, а также ряда самодийских народов и кетов можно видеть аналоги, возникшие благодаря специфической форме их хозяйственных занятий.

Некоторые из названных регионов представляют собой и определенные историко-культурные или этнографические области, т. е. у населяющих их народов в ходе истории сложились такие формы народной культуры, которые позволяют говорить о ее определенном единстве в пределах региона (и отличии от культуры соседних народов) вне зависимости от этнической принадлежности. Примерами таких этнокультурных или историко-культурных областей могут в данном случае служить Прибалтика, где общность традиционной культуры объединяет народы балтской (или летто-литовской) и прибалтийско-финской группы языков¹⁰, и Урало-Поволжье, коренное население которого относится частью к волжско-финским, а частью к тюркоязычным народам¹¹. Живущие в Западной Сибири ханты и манси по типу хозяйства и некоторым чертам культуры принадлежат к одной историко-этнографической общности вместе с самодийскоязычными народами и кетами. Поэтому даже в те эпохи, когда этническая культура была преимущественно культурой сельского населения, «доиндустриальной культурой», она требовала при изучении финно-угорских народов в первую очередь регионального подхода. При изучении же современных этнических процессов такой подход еще более обоснован.

Изучая современную этническую культуру, естественно учитывать судьбы этих народов в прошлом, так как их современное развитие во многом зависит от уровня их развития на предшествующем историческом этапе. К тому моменту, когда Октябрьская революция дала возможность всем народам нашей страны равноправно и свободно развивать свою культуру, разные этносы финно-угорской семьи языков находились на весьма неодинаковых ступенях социально-экономического и культурного развития, отличались по степени этнической консолидации, урбанизации, а следовательно, и по уровню развития профессиональной культуры, имели разную численность, специфические — влиявшие на этнические процессы — формы расселения.

Все это не могло не отразиться на протекании этнокультурных процессов у этих народов и в наши дни. Исследования советских специалистов убеждают нас в том, что главные тенденции этих процессов у финно-угорских народов СССР в основном совпадают с тенденциями, которые наблюдаются и у других народов в границах названных регионов и историко-культурных областей. Современные этнокультурные и — шире — этнические процессы у народов Прибалтики, Европейского Севера, Урало-Поволжья и Западной Сибири характеризуются высокой интенсивностью и динамизмом протекания, присущими всем народам СССР¹².

Стремительное развитие экономики, в первую очередь индустрии в заселенных финно-угорскими народами республиках и областях, влекущее за собой устойчивые миграционные потоки, все большее расширение взаимодействия народов между собой, способствует интенсификации этнокультурных процессов. При этом следует принять во внимание, что

¹⁰ Мысль о выделении этой историко-этнографической области недавно еще раз убедительно подтверждена многочисленными эмпирическими данными. См.: Историко-этнографический атлас Прибалтики (Земледелие). Вильнюс: Мокслас, 1985.

¹¹ Пименов В. В. Урало-Поволжская историко-этнографическая область (К проблеме изучения). — В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979.

¹² См.: Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977, с. 513—515, 520—522, 524—526.

в этнических процессах в СССР имеют место две взаимосвязанные и диалектически противоречивые тенденции. Одна из них — межэтническая интеграция, т. е. формирование общих черт культуры у народов СССР¹³. Заметим, что культурные, экономические, языковые и иные взаимодействия народов нашей страны выражены достаточно сильно, их можно видеть «невооруженным глазом». Но одновременно — и в этом проявляется другая тенденция — мы наблюдаем и стремление к сохранению этнической устойчивости. В целом современные этнические процессы выглядят как равнодействующая многих факторов.

Конкретизируя эти положения, полезно кратко упомянуть о сходстве и различии протекания этнических процессов у финно-угорских народов нашей страны в разных регионах. Прежде всего еще раз следует напомнить, что бурное развитие экономики, характерное для всего Советского Союза с момента его образования, шло в разных его частях и у разных народов от разных «точек отсчета». Из всех финно-угорских народов нашей страны только эстонцы, как и другие народы Прибалтики, еще во второй половине XIX в. сформировались в нацию буржуазного типа¹⁴. Промышленный переворот происходил здесь в 1820—1840 гг. В конце XIX в. городское население Эстонии составляло 18%, к началу первой мировой войны промышленный рабочий класс насчитывал 43 тыс. человек¹⁵. Быстрому развитию капиталистических отношений в Прибалтийском крае в XIX в. сопутствовало национальное движение, своим острием направленное против привилегий веками господствовавших здесь остзейских немцев. В конце XIX — начале XX в. сформировалась и национальная эстонская интеллигенция. К моменту воссоединения с Советским Союзом в 1940 г. во всех трех республиках Прибалтики существовали, несмотря на аграрный характер их экономики, национальный рабочий класс, национальная интеллигенция и профессиональная культура. Все три народа Прибалтики — эстонцы, латыши, литовцы — представляли собой сложившиеся буржуазные нации.

Народы же Северного и Урало-Поволжского региона — коми-зыряне, удмурты, марийцы, мордва, как и соседние с ними коренные тюркоязычные народы (за исключением татар), сложились в нации уже при Советской власти, практически миновав стадию капиталистического развития¹⁶. Если говорить об обских уграх, то у них процесс консолидации протекал по-разному: у манси он, видимо, начался еще до революции, а у хантов — в советское время, но у тех и у других он завершается только теперь¹⁷.

Развитие промышленности в этих регионах вызвало к жизни новые социальные классы и слои — рабочий класс и интеллигенцию. Шел бурный рост городов, и в составе городского населения сформировался значительный слой горожан, принадлежавших к коренному населению. Напомним, что в царское время городское население здесь в основном было русским. Исключение составлял лишь Сыктывкар (тогда Усть-Сысольск), где 90% жителей были коми. Марийцев в городах насчитывалось лишь 0,8% всей их численности. Приблизительно такая же была ситуация у тюркоязычных народов Урало-Поволжья. Даже позднее, в 1926 г., когда была проведена первая Всесоюзная перепись населения, доля горожан у чувашей составила 1,6%, у башкир — 2,1% и лишь у татар она была немногим больше 14%. Теперь доля горожан среди финно-угорских народов Северного и Урало-Поволжского регионов стала весьма высокой, хотя городское население составляет более половины только у карел: 47 тыс. жителей — в городах и поселках и лишь 36 тыс. — в сельских поселениях (1979 г.). У остальных же народов доля город-

¹³ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983, с. 239 и др.

¹⁴ История Эстонской ССР. Т. II. Таллин: Ээсти раамат, 1966.

¹⁵ Советская Эстония, с. 70, 73.

¹⁶ См. Народы Поволжья и Приуралья, с. 10.

¹⁷ Там же, с. 12. Соколова З. П. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров. — В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975, с. 210.

ского населения колеблется между $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{3}$ общей численности; у коми она составляет лишь около 15%.

Сходным образом обстоит дело и у тюркоязычных народов Урало-Поволжья. Лишь в Чувашии доля чувашей в составе городского населения достигла половины (это произошло в силу того, что чуваша, рассеянные в республике компактно, интенсивно мигрируют в города)¹⁸.

Следует напомнить, что и в Эстонии, как и в Латвии и Литве, за годы Советской власти в этом плане произошли очень существенные сдвиги: сейчас Эстония представляет собой одну из наиболее промышленно развитых республик Советского Союза, в то время как до 1940 г. хозяйство республики имело в основном аграрный характер. Доля городского населения в Эстонии с 33% в 1940 г. выросла до 69,4% в 1979 г.¹⁹.

Создание автономных республик, округов и областей способствовало развитию как экономического, так и культурного единства каждого из рассматриваемых народов, формированию у них единого национального самосознания. В ходе этого развития шла внутренняя консолидация народов. Ввиду того, что к началу социалистического строительства они сильно различались в этом отношении, процессы консолидации протекали также неоднородно и достигли к сегодняшнему дню разного уровня.

Так, в Прибалтике, у эстонцев, уже в предреволюционный период сложился единый литературный язык, а в наши дни благодаря росту уровня образования и воздействию средств массовой коммуникации почти исчезли сильные в прошлом диалектные различия. Исчез и существовавший в недавнем прошлом определенный барьер между основной массой эстонцев и группой сету, что в значительной мере объясняется утратой в наши дни значимости конфессиональной принадлежности (как известно, сету в отличие от большинства эстонцев-лютеран были православными).

Сложнее обстоит дело в Урало-Поволжском регионе. У тех народов, где внутренние этнографические и языковые различия были в прошлом сравнительно невелики, они сейчас в целом уже стерлись, о других этого сказать еще нельзя. Материалы современных массовых этнографических обследований в рассматриваемом регионе выявляют неодинаковую степень консолидации и ее отражения в самосознании народа. Так, среди удмуртов, проживающих в Удмуртской АССР, лишь ничтожная доля опрошенных помнит о своей бывшей принадлежности к субэтническим образованиям в составе удмуртского этноса (калмез, ватка, бесермяне и т. д.). Иная картина обнаруживается при обследовании мордвы: среди сельского населения еще бытует мнение (выраженное примерно половиной обследованных), что мокша и эрзя представляют собой разные народы. Правда, среди горожан мордовской национальности немногим более половины респондентов считает, что мокша и эрзя — единый народ. Очевидно, что происходит этническая консолидация мордовского народа, но о завершенности этого процесса говорить еще преждевременно. Столь же преждевременно говорить о слиянии горных марийцев с луговыми, хотя и происходит вполне явно выраженное сближение между ними.

Сдвиги в экономике и социальной жизни повлекли за собой расширение социальных функций языка, возникновение и развитие институтов, обеспечивающих формирование и функционирование культуры, таких, как книжные издательства, органы периодической печати и массовой информации, театры, библиотеки, клубы, вся система школьного и высшего образования.

Говоря о языковых процессах, нельзя не остановиться на одной из общих тенденций этнических процессов в Советском Союзе — быстром

¹⁸ Ср. Кондратьев В. С. Социальные перемещения сельского населения Чувашии на современном этапе. — В кн.: Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР. Чебоксары, 1984, с. 29 и сл.; ср. также Григорьева Р. А. Этноязыковые процессы в Чувашской АССР. — В кн.: Расы и народы, 14. М.: Наука, 1984, с. 84.

¹⁹ Исчислено по: Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М.: Финансы и статистика, 1984, с. 150.

развитии двуязычия и национально-смешанных браков. Эти процессы протекают неравномерно у разных финно-угорских народов, что связано с их численностью, формами расселения (а в этой связи и с формой национальной автономии), в известной мере даже со спецификой языка. Так, в частности, в Прибалтийском регионе, где большая часть этнокультурных показателей у всех народов сопоставима, доля двуязычия у эстонцев заметно ниже, чем у латышей и литовцев: лишь около 25% эстонцев считают себя владеющими русским языком, в то время как у латышей — 56,7%, а у литовцев — 52,1%²⁰. Возможно, что сам этот факт в значительной мере объясняется существенными различиями грамматического строя эстонского и русского языков, большими, чем между русским и латто-литовскими языками.

У всех остальных финно-угорских народов доля двуязычного населения составляет примерно $\frac{2}{3}$, в Урало-Поволжье это относится к мордве, марийцам, удмуртам, так же как и к их тюркоязычным соседям — башкирам, чувашам и татарам.

Столь интенсивное развитие двуязычия в Урало-Поволжской зоне находит себе прежде всего историческое объяснение. Народы этого региона с XV в. живут чересполосно и совместно с русскими, постоянно общаясь с ними. Овладению русским языком способствовали и традиции массового отхода сельского населения на различные промыслы в XVIII—XIX вв., служба в армии и т. п. В наше время на развитие двуязычия влияют работа в национально-смешанных коллективах, высокий уровень межнациональной брачности, широкое общение в неформальных группах (друзей, соседей и т. п.)²¹.

При этом двуязычие обнаруживает тенденцию к росту: например, среди марийцев в Марийской АССР по последней переписи доля двуязычия составляла 69,9% (1979 г.), а в 1984 г. — уже 77,8%. Примерно такое же положение на Европейском Севере: двуязычие наиболее развито у коми — 70,2% (1979 г.)²², далее идут карелы — 64,5%, затем сибирские угры — у хантов 56,4% двуязычных, у манси — 45,5%. Среди лопарей (саами) двуязычными себя считают около 60%²³.

Одна из характерных черт современных этнокультурных процессов у народов Советского Союза — противоречивое взаимодействие культурных традиций и инноваций, которое определяется не только экономико-социальными факторами, но и этнопсихологическими. В этой связи следует упомянуть о том, что внедрение, например, унифицированной, фабричной сельскохозяйственной техники способствует утрате этноспецифических черт в хозяйственных занятиях отдельных народов (причем это относится и к сельскохозяйственным отраслям занятий и к промыслам). Тем не менее региональная специализация хозяйства в ряде случаев связана с местными традиционными занятиями населения, и для отдельных республик могут быть выделены «более этнические» или «менее этнические» отрасли хозяйства.

Для Прибалтики, с ее высокой индустриализацией и невысокой долей сельского населения, говорить об этом, пожалуй, не приходится. Но в Урало-Поволжье, а также у коми (как зырян, так и пермяков) «наиболее этничной» отраслью хозяйства остается сельское. В Карелии это в наши дни — лесная промышленность, где до 20% всех трудящихся составляют карелы. Оленеводство — этнически специфическая отрасль хозяйства у саамов, ижемских коми и северных групп обских угров, а промысловое рыболовство и охота — у хантов и манси.

Можно говорить также о том, что у сельского населения некоторые черты традиционной культуры сохраняются довольно устойчиво в силу

²⁰ См. Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. М.: Наука, 1984, с. 105.

²¹ Гузенкова Т. С. Межэтнические контакты и этнокультурные процессы (по материалам о народах Урало-Поволжья). — В кн.: Расы и народы, 13. М.: Наука, 1983, с. 102 и сл.

²² Народы Поволжья и Приуралья, с. 13.

²³ Исчислено по: Численность и состав населения СССР, с. 72—73.

специфики сельского образа жизни, что подтверждается современными этнографическими и этносоциологическими обследованиями. Это относится в частности, к современному жилищу. Сельское население и сейчас предпочитает индивидуальные дома, сохраняет ряд традиционных надворных построек, необходимых для содержания скота, приготовления пищи в жаркое время года вне дома, имеет индивидуальные бани и т. п.²⁴

Земля на приусадебном участке используется не только под огородные и плодово-ягодные культуры. Кое-где в Урало-Поволжье (в частности, у удмуртов) высевают лен, который идет для домашнего изготовления текстильных изделий; почти повсеместно держат овец и вяжут из домашней шерсти различные вещи²⁵.

Вообще же распространение промышленных товаров, изделий пищевой промышленности, быстро идущая урбанизация быта сельского населения все же не ведут к полному исчезновению этнической специфики даже в области материальной культуры. В качестве примера можно рассмотреть такую ее сторону, как одежда. Народы финно-угорской группы в своем большинстве уже не носят традиционной народной одежды повседневно. Но вместе с тем было бы неверно считать, будто она вообще вытеснена из употребления, просто исчезла.

У эстонцев, как и у других народов Прибалтики, старые формы народной одежды стали выходить из употребления еще в середине прошлого века, сменяясь несколько «адаптированными» формами городской, а затем и просто городской одеждой. В настоящее время нельзя говорить о существовании в повседневном быту эстонцев каких-то форм народной одежды, но зато народный костюм сохранился — со всем разнообразием его локальных вариантов — как праздничный. Его носят в первую очередь участники широко распространенных народных хоров, оркестров, танцевальных ансамблей, его надевают в разных торжественных случаях. Многие имеют национальный костюм и гордятся этим. В Эстонии, так же как и в Латвии и в Литве можно заказать полный народный костюм или его элементы (юбки, блузки, головные уборы) в художественных комбинатах и артелях, причем народная одежда изготавливается точно по образцам середины XIX в.

В восточных районах расселения финноязычных народов традиционная одежда сохранялась и развивалась значительно дольше. Наиболее явно это выражено у марийцев²⁶. Развитие народной одежды здесь продолжалось и в послереволюционный период, что привело к сокращению числа локальных комплексов, к определенной модернизации форм, исчезновению некоторых из них (ряда женских головных уборов, обуви домашнего изготовления и т. п.). Но именно модернизация способствовала более устойчивому сохранению народного костюма в быту. Повседневно народную одежду — часто в комбинации с покупными элементами — носят только в сельской местности, причем женщины старших возрастов. Но в качестве парадной, в том числе свадебной, она бытует еще очень широко. В праздники женщины надевают по возможности полный комплект украшений, некоторые — старинные головные уборы. Национальную одежду в ее модернизированных формах можно заказать в местных швейных мастерских.

Модернизированные формы народной одежды сохраняются и в Мордовии — также у старшего поколения женщин в сельской местности. В целом у мордвы и удмуртов, согласно обследованиям 1970-х годов, в той или иной мере народную одежду в сельской местности носят около

²⁴ Пименов В. В. Народные традиции и трудовые ресурсы села (некоторые проблемы прикладной этнографии). — В кн.: Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР. Чебоксары, 1984, с. 13 и сл.

²⁵ См., например, Климова Г. Текстильный орнамент коми. Сыктывкар, 1984.

²⁶ См., например, Молотова Т. Л. Традиционная и современная одежда горных марийцев. — В кн.: Материальная и духовная культура марийцев. Йошкар-Ола, 1981, с. 74 и сл.

30% населения, среди горожан — около 3%. У коми этот показатель составляет в сельской местности 20%²⁷.

Необходимо сказать, что отдельные виды одежды, типичные для населения субарктических зон, устойчиво сохраняются в качестве промысловой или зимней у саамов, коми-ижемцев, хантов и манси, а также у ненцев²⁸. В целом народная одежда у отдельных групп хантов и манси сохранилась полнее: женщины носят и легкую одежду весенне-летнего периода. Ее украшают традиционными видами отделки с сохранением старинных орнаментов. Носят они и старинного образца украшения. Все это изготавливается домашним способом.

Почти у всех названных финноязычных народов широко сохраняется традиция домашнего изготовления вязанных на спицах или крючком изделий — носков, варежек, различного вида свитеров и кофт, обычно украшенных традиционными видами орнамента.

Несколько слов необходимо сказать о современной пище. В советское время пища стала не только более калорийной, но и более разнообразной, главным образом благодаря распространению городских блюд и заимствованиям из национальной кухни других народов СССР, общеевропейской кухни, а также продуктов, изготавливаемых пищевой промышленностью. И тем не менее приверженность к национальной кухне проявляется весьма устойчиво²⁹. Среди сельской мордвы 98% в той или иной мере отдают предпочтение традиционным мордовским кушаньям, у удмуртов — 70%, у коми знают и употребляют национальные блюда около 40% сельских жителей. Эти показатели по городскому населению в Удмуртии и в Мордовии составляют соответственно 70 и 45%. Устойчивы традиции приготовления национальных блюд у марийцев, таких, в частности, как крупяные колбасы, домашний сыр; сохраняется у них традиция варки пищи в подвесном котле и т. д.

Эстонцы, как и другие народы Прибалтики, по-прежнему готовят определенные народные блюда в различные календарные праздники. Кое-что из народных блюд изготавливается местной пищевой промышленностью; в меню ресторанов и столовых почти всегда можно найти блюда национальной кухни. Немало традиционных приемов — в приготовлении пищи, в повседневном меню, в режиме питания и выборе исходных продуктов. У хантов и манси особенности питания связаны как со спецификой их хозяйственных занятий, так и с особенностями быта.

Прежде всего следует сказать об употреблении в пищу сырой, вяленой и мороженой (в виде строганины) рыбы, рыбы, жаренной на рожне у костра, рыбьего жира, мяса в сыром виде, дикорастущих ягод, орехов и т. д. Эти черты характерны для многих народов северного региона, в том числе и саамов³⁰.

Жилище, особенно городское, в его современных стандартизованных формах в меньшей мере, чем одежда и пища, сохраняет этническую специфику. Однако при сопоставлении его в региональном масштабе мы, несомненно, обнаружили бы различия между Прибалтикой, Поволжьем

²⁷ Обследования проведены в Удмуртии — в 1968 и 1979—1980 гг., в Мордовии — в 1973 г. Материалы этих обследований хранятся в Институте этнографии АН СССР, а также в соответствующих региональных институтах при Советах Министров автономных республик.

²⁸ Федорова Е. Г. Элементы нового и традиционного в современной материальной культуре манси. — В кн.: Полевые исследования Института этнографии АН СССР, 1978, М.: Наука, 1980, с. 77—78; Соколова З. П. Современное культурное развитие и этнические процессы у обских угров. — В кн.: Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. М.: Наука, 1985, с. 115—116; Хомич Л. В. Развитие межэтнических связей в Ненецком автономном округе. — В кн.: Этнографические аспекты современности. Л.: Наука, 1980, с. 62.

²⁹ См. Трофимова Е. Я. Об этнической специфике удмуртской народной пищи. — В кн.: Статистико-этнографические исследования в Удмуртии. Устинов, 1985, с. 109 и сл.

³⁰ Федорова Е. Г. Указ. раб., с. 78; Головнев А. В., Новикова Н. И. Этническая специфика современной и традиционной бытовой культуры кондинских манси. — В кн.: Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. Томск, 1981, с. 102; Соколова З. П. Современное культурное развитие и этнические процессы у обских угров, с. 114.

и Западной Сибирью, особенно при рассмотрении сельского жилища, хозяйственного двора и надворных построек. В сельской местности и теперь предпочитают индивидуальные жилища, а стандартная мебель не вытеснила полностью некоторых традиционных элементов интерьера. Во внешнем оформлении жилищ народов Поволжья по-прежнему используется деревянная резьба. В некоторые районы, соприкасающиеся с зонами расселения татар, проникла наружная роспись домов (например, в Марийской республике) и т. д.

В интерьере также прослеживаются специфические черты. Например, традиционные текстильные изделия украшают и городские квартиры у тех же эстонцев. Они широко пользуются ткаными одеялами, коврами, дорожками, которыми покрывают кровати, диваны, застилают пол, украшают стены. Эти вещи производят, как правило, предприятия художественной промышленности, артели, объединения народных мастеров. Последние, кстати сказать, изготавливают и мебель по народным образцам (стулья, табуреты), а также короба, корзины, даже прялки, не имеющие в сущности уже утилитарного значения. Такие предметы вообще часто служат только символами национальной идентификации. В интерьере домов хантов и манси, особенно северных и восточных, также заметны этнические черты — например, различные предметы домашнего обихода и утвари: меховые мешки и сумки, берестяные коробки для рукоделия, деревянная и берестяная посуда для рыбы и др.³¹

Что касается изменений в сфере духовной культуры народов, принадлежащих к финно-угорской языковой семье, то у них, как и у всех народов СССР, прослеживаются две тенденции: развитие духовной культуры в национальных формах, с одной стороны, и ее все большая интернационализация — с другой. При этом первая тенденция выражается в известной мере в рекультивации³², т. е. в воспроизведении фольклорных элементов в разных формах профессиональной духовной культуры, в семейной обрядности и др. Так, например, у эстонцев и других народов Прибалтики в настоящее время гражданские формы семейной обрядности включают элементы старинных народных обрядов. Особенно это характерно для свадеб, в сценариях которых много красочных игровых моментов, позаимствованных из старых традиций. Народные черты часто ощутимы и в оформлении праздника: приглашении ансамблей народной музыки, приготовлении национальных блюд для свадебного стола, в характере подарков и др. Как известно, народный свадебный обряд исчез в Эстонии (за исключением таких «этнографических заповедников», как о. Кихну) еще в дореволюционный период. Введение народных элементов в современную свадьбу относится к последним 10—15 годам, и произошло оно благодаря активной деятельности общественности и при прямом участии этнографов.

Но основную роль в развитии национальной культуры народов финно-угорской языковой семьи играет становление профессиональной культуры — литературы, национального театра и драматургии, возникновение и развитие изобразительного искусства, издательского дела и прессы, системы народного образования, различных отраслей гуманитарных наук; появление слоя творческой интеллигенции.

За годы Советской власти у всех народов СССР, в том числе и у рассматриваемых нами, произошло как увеличение общего фонда художественных произведений, так и рост масштабов потребления произведений искусства, расширение диапазона духовных запросов трудящихся. При этом распространение профессиональной художественной культуры могло быть достигнуто лишь на основе преимущественного ее разви-

³¹ Соколова З. П. Современные этнические процессы у обских угров. — В кн.: Преобразование в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера М.: Наука, 1970, с. 103; *её же*. Современное культурное развитие и этнические процессы у обских угров, с. 115; Федорова Е. Г. Указ. раб., с. 78.

³² См., например, Христолюбова Л. С. Этнические процессы в сфере духовной культуры сельских удмуртов (Региональный анализ). — В кн.: Статистико-этнографические исследования в Удмуртии, с. 72 и сл.

тия в национальных формах. Существенно учесть и то, что в своей совокупности деятели профессиональной культуры каждой этнической общности в той или иной мере формируют новые черты самобытного облика этой культуры, способствуют возникновению в ней новых специфических традиций. Несмотря на активный межнациональный обмен, многие из тех компонентов культуры, которые приобретают интернациональный характер, одновременно не теряют способности сохранять национальную форму или воплощаться в более или менее выраженных национальных вариантах³³.

В то же время именно в профессиональных формах культуры тенденция интернационализма — межнациональное взаимопроникновение — проявляется в целом наиболее активно и имеет наибольшее значение для дальнейшего развития художественной культуры народов СССР. Это особенно важно иметь в виду, так как в общем культурном фонде советских людей основное место занимают профессиональные формы.

Развитие современной культуры народов нашей страны, в том числе и народов финно-угорской семьи, характеризуется доминированием объединительной тенденции. Важнейшее, все более возрастающее значение в этом отношении принадлежит бурно развивающимся в эпоху научно-технической революции средствам массовой информации — прессе, радио, телевидению и т. д. Особую роль в сближении культуры народов нашей страны играет научное планирование ее развития. Оно охватывает не только создание, но и распространение и потребление духовных ценностей. Сказанное подтверждается материалами массовых этнографических обследований, проведенных в 1970—1980 гг. Так, около 70% рабочих-лесорубов Коми регулярно читают газеты, более половины постоянно читают книги (в том числе около $\frac{1}{5}$ из них предпочитают художественную литературу). Среди взрослого мордовского населения читают книги в селах более 30%, а в городах — более 64%; предпочитают мордовскую или в равной мере мордовскую и русскую литературу более половины опрошенных в селе и более $\frac{1}{3}$ в городах. В Удмуртии около 40% горожан и более 25% сельских жителей (из опрошенных) побывали на представлениях национального театра. Среди удмуртов более 50% сельских жителей и более 40% горожан посвящают часть своего досуга таким видам творческой деятельности, в которых находит отражение удмуртская национальная тематика.

При характеристике процесса этнокультурного сближения народов нашей страны представляется существенным подчеркнуть, что тот или иной элемент, те или иные специфические черты национальной культуры, становясь достоянием других народов, отнюдь не перестают оставаться национальными. В то же время восприятие подлинных духовных ценностей другого народа означает дальнейшее обогащение данной национальной культуры. Любая же изоляция от культуры других народов неизбежно чревата отставанием от общего культурного развития страны и человечества. Каждая нация, даже при наличии собственного развитого фонда культуры, лишь выигрывает от культурных контактов. И это является важнейшей объективной предпосылкой дальнейшего сближения культур народов нашей страны, а соответственно усиления единства советского народа. Рост и сближение национальных культур, упрочение их взаимосвязей делают более плодотворным взаимное обогащение, открывают перед советскими людьми широчайшие возможности для приобщения ко всему ценному, что рождено талантом каждого из народов нашей страны³⁴.

В ходе взаимообогащения духовных культур народов нашей страны складывается не просто межнациональная, но общесоветская культура. Она проявляется не только в сфере профессионального искусства и лите-

³³ Ср. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981, с. 337 и сл.

³⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза (новая редакция). — Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986, с. 157.

ратуры, но и, что особенно показательно, в повседневной жизни, начиная от общесоветских революционных традиций, праздников, обрядов, обычаев и кончая правилами этикета, общей антропонимией и т. п.

Следует учитывать и то, что формирование общесоветской культуры сопровождалось возникновением общесоветских форм ее организации (система всесоюзного радио и телевидения, центральной печати и книгоиздания и т. д.). Советские социалистические нации и народности сближаются также благодаря единой системе просвещения, всесоюзной системе подготовки кадров специалистов, общей системе медицинских учреждений и учреждений культуры, деятельности всесоюзных творческих союзов и др.

Общесоветская духовная культура — это общая система усвоения и передачи не только достижений отдельных советских наций, но и достижений современной мировой культуры, прежде всего культуры дружественных социалистических государств (главным образом через посредство русского языка или — шире — русскоязычной культуры). Эта общая культура — один из важнейших компонентов новой социальной и интернациональной общности — советского народа.

Таким образом, важнейшая сторона этнокультурных процессов в нашей стране, в том числе и среди народов, входящих в финно-угорскую группу уральской семьи языков, — это все большее сближение этносов в масштабах всей страны. Другая сторона этих процессов у финно-угорских народов (как и у всех этносов страны) — сохранение и развитие национальной культуры. Этот двуединый процесс развития и сближения этносов — народов СССР проявляется также в сфере социальной психологии, общественного сознания. Происходит одновременное усиление как национального самосознания, так и сознания принадлежности к советскому народу — общесоветского патриотизма.

В. В. Коротеева

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РОЖДАЕМОСТИ У НАСЕЛЕНИЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ГОРОДА (на примере Ташкента)

Различия в рождаемости у народов СССР в ряде случаев отражают два существующих типа репродуктивного поведения. Если у большинства населения страны переход к сознательно планируемой рождаемости завершился или происходит интенсивно, то в Средней Азии у коренных национальностей преобладает «традиционный» тип рождаемости, т. е. не ориентированный на определенное число детей.

Сохранению многодетности в этом регионе способствуют относительно невысокий уровень урбанизации, территориальной мобильности, малое участие женщин в общественном производстве, существование значительного числа неразделенных семей. Перспектива снижения рождаемости в Средней Азии как проявление общей закономерности социально-демографического развития общепризнана в советской науке. Статистические сведения и данные выборочных исследований свидетельствуют о начале этого процесса¹.

Однако в литературе нет единства мнений о темпах процесса и современной демографической картине в регионе. Реальное репродуктив-

¹ Ата-Мирзаев О. Б. Актуальные задачи комплексного исследования региональных проблем народонаселения Средней Азии. — В кн.: Региональные демографические исследования. Ташкент, 1978; Бондарская Г. А. Рождаемость в СССР (этнодемографический аспект). М.: Статистика, 1977; Вишневский А. Г., Ханазаров К. Х. Демографическое развитие республик Средней Азии в послевоенные годы. — В кн.: Демографическое развитие СССР в послевоенный период. М.: Институт социологических исследований (ИСИ), 1984, и др.